

А М И Р А Н Ъ.

Гурійская легенда.

I.

Жилъ въ Гуріи, недалеко отъ горы ¹⁾ Сакорніа, бѣдный крестьянинъ, по имени Соломонъ. У него была очень злая, сварливая и притомъ любопытная, какъ и всѣ женщины, жена Кетевана. Извѣстно вѣдь, что любопытство женщины и ея вѣчное недовольство настоящимъ погубили перваго человѣка въ раю и подвергли весь родъ людской проклятію, а съ тѣхъ поръ эти содѣанія нисколько не перемѣнились къ лучшему.

Когда-то,—Соломону казалось, что это было очень давно,—Кетевана была красивая дѣвушка, высокая и тонкая; глаза у нея были, правда, немножко сердитые, но зато очень черные и большіе; ровные бѣлые зубки сверкали, какъ зерна граната, между розовыми губами. Когда она, съ высокимъ кувшиномъ на плечѣ, спускалась по крутой тропинкѣ къ роднику и тихо напѣвала тѣсню о голубѣ, котораго хотѣла бы поймать, ея покрывало мельсало, какъ облачко въ тѣни цвѣтущихъ деревьевъ и душистыхъ виноградныхъ лозъ, а длинныя косы вились изъ-подъ него до самыхъ колѣнъ. Тогда Соломонъ бросалъ работу, издали смотрѣлъ на нее, опершись на мотыку, которою подбивалъ кукурузу въ своемъ полѣ, и сердце его сладко билось. Недаромъ Кетевану ввали въ деревнѣ „варды“ ²⁾.

Эхъ, правду сказать, и самъ Соломонъ былъ въ тѣ времена молодецъ, и красный башлыкъ носилъ, а кудри у него были подъ башлыкомъ темные и пышные. Поэтому Кетевана иногда

¹⁾ Сакорніа—одна изъ вершинъ Аджаро-Гурійскихъ горъ въ Озургетскомъ уѣздѣ, Сутаисской губ. По преданію, къ вершинѣ этой былъ прикованъ великанъ Амиранъ, и оронъ клевалъ его сердце. (Вѣроятно, искаженный мифъ о Прометѣе.)

²⁾ Варды—роза.

ласково-таки поглядывала на него своими суровыми и гордыми глазами, и онъ рѣшился посвататься.

Молодые зажили въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, окруженномъ балкономъ на столбахъ, на крошечномъ клочкѣ своей усадьбы подъ горою. Вокругъ дома росли старыя деревья квиты ¹⁾, алычи и орѣховъ, и стояли двѣ-три плетушки изъ хвороста для храненія кукурузы. Сзади дома Соломонъ разводилъ на нѣсколькихъ грядкахъ табакъ для домашняго употребленія и сѣялъ душистыя травы, кинзу, лукъ, укропъ, которыя такъ сдабриваютъ простыя кушанія гурийцевъ. Къ осени поспѣвало на старыхъ деревьяхъ множество орѣховъ, и Кетевана обмѣнивала ихъ на соль у прїѣзжавшихъ сосѣдей-аджарцевъ; хлѣба на двоихъ хватало съ избыткомъ.

Сначала у молодыхъ все шло хорошо, и они жили въ мирѣ, согласіи и любви. Но вотъ около юбки Кетеваны стало каждый годъ появляться по черномазому крикливому „бичо“, ²⁾ или „гого“, ³⁾ которые вѣчно просили ѣсть. Скоро ихъ стало такъ много, что Соломонъ только почесывалъ свои начинавшіе рѣдѣть кудри, глядя на нихъ и удивляясь, когда это успѣло ихъ столько породиться.

Кетевана теперь стала похожа уже не на „варды“, а скорѣе на старую вѣдму. Носъ ея сошелся съ подбородкомъ, надъ губою появились черныя усики, лицо сморщилось и потемнѣло, тѣло высохло. Характеръ ея тоже измѣнился къ худшему, и Соломонъ теперь уже не думалъ о любви. Да и некогда было: надо было въ потѣ лица добывать для дѣтей хлѣбъ изъ земли, которую Кетевана не иначе называла, какъ проклятою за то, что она давала имъ такъ мало.

— Не мало она даетъ,—качая головою говорилъ Соломонъ,—а насъ ужъ очень много стало. Вотъ ты можешь своею грудью кормить одного ребенка? А если бы ту же грудь сосало пять или шесть ребятъ сразу, хватило бы развѣ тогда молока? Ва! Нѣтъ, Кетевана, не хватило бы, всѣ были бы голодные. Такъ вотъ и наша земля...—грустно вздыхалъ онъ, глядя на свой маленькій клочокъ сухой, каменистой пашни, поднимавшійся на крутую гору недалеко отъ двора.

Изо всѣхъ силъ трудился Соломонъ. Онъ окапывалъ и прилежно подбивалъ каждый стебель своей кукурузы да еще ухит-

1) Квита—айва.

2) Бичо—мальчикъ.

3) Гого—дѣвочка.

рялся сажать около этихъ стеблей по зерну фасоли, которая и росла рядомъ съ кукурузой, цѣпляясь своими усиками за высокій и крѣпкій стволъ растенія. Но ничто не помогало; пищи все-таки было мало, а потому Кетевана никогда не была довольна Соломономъ и вѣчно грызла его и ругала за то, что у нихъ ничего нѣтъ. Правда, ѣли они вѣчно одинъ кукурузный „чурекъ“ ¹⁾ да вареное „гоми“ ²⁾, и то вироголодь, а въ хозяйствѣ у нихъ только и было, что три овцы, пара тощихъ воловъ да ветхая арба, на которой они должны были и хлѣба съ поля возить, и въ церковь по праздникамъ въ сосѣднюю деревню ѣздить.

Но что было дѣлать бѣдному человѣку? Некому было даже помочь ему. Кетевана очень хорошо, отлично умѣла попрекать и ругаться, а сама весь день проводила въ болтовнѣ съ сосѣдками у родника или сидѣла, поджавши ноги, безъ всякаго дѣла на порогѣ своей сакли, разспрашивая всякаго прохожаго, кто куда идетъ, зачѣмъ, что несетъ, что у кого дома дѣлается и тому подобныя вещи.

Соломонъ терпѣлъ все это молча, и ему даже въ голову не приходило разсердиться на свою жену или заставить ее работать. Онъ былъ добрый гуриецъ и никогда даже словомъ не обидѣлъ бы женщину. Онъ былъ готовъ работать еще больше, если бы это было возможно, все это было ничего—и лѣнь ея, и любопытство, и сварливость. А вотъ что очень обидно было Соломону, такъ это то, что и въ праздники Кетевана не давала ему ни отдохнуть, ни повеселиться. Если онъ собирался въ воскресенье уйти изъ дома, она вырывала у него изъ рукъ башлыкъ ³⁾ и кричала:

— Куда идешь? Зачѣмъ? Что будешь тамъ дѣлать? Не пущу, ты скоро совѣмъ пьяницей будешь!

Соломонъ покорно оставался дома, садился, вздыхая, на своемъ порогѣ и цѣлый день стругалъ какую-нибудь палочку, такъ какъ грѣшно въ праздникъ работать. Съ завистью слушалъ онъ доносившіеся издали звуки зурны и веселаго пѣнія... Если бы не злая баба, и онъ сидѣлъ бы теперь тамъ, гдѣ-нибудь на зеленой травѣ подъ деревомъ, попивая жиденькое кислое вино... Въ рукѣ онъ держалъ бы „кулу“ ⁴⁾, а изъ нея такъ славно лилась бы ему прямо въ горло тоненькая, холодная розоватая струйка. А по-

¹⁾ Чурекъ—плоскій хлѣбъ, пшеничный или кукурузный.

²⁾ Гоми—зерновое растеніе, похожее на просо.

³⁾ Гурійцы носятъ башлыкъ вмѣсто шапки, обматывая его вокругъ головы въ видѣ чалмы.

⁴⁾ Кула—тыква, похожая формой на бутылку.

томъ онъ бы пѣлъ „мраваль-жаміерь“¹⁾ и вовсе не былъ бы пьянъ, а только веселѣе у него стало бы на сердцѣ, и онъ за-былъ бы хоть на минуту всѣ свои горести, труды, лишенія и домашнія дразги...

Но Кетевана зорко караулила его, и ему съ горя оставалось только растянуться посреди двора на самомъ припекѣ, укрыться съ головою своимъ грязнымъ ватнымъ одѣяломъ и заснуть до самаго вечера.

II.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ изъ трехъ овецъ Соломона пришли съ пастбища только двѣ. Самая лучшая черная овца, которою Кетевана особенно дорожила, не вернулась домой. Долго ее поджидали, но она не являлась, и Кетевана плакала отъ горя и злости, рвала свои густыя грязныя косы и ругала Соломона, по обыкновенію, на чемъ свѣтъ стоитъ.

Соломонъ утѣшалъ ее, какъ умѣлъ, но солнце уже зашло, а овцы все не было. Когда Кетевана выдоила двухъ овецъ, чтобы заварить изъ ихъ молока сыръ, и увидѣла, что сыру выйдетъ еще меньше, чѣмъ всегда, она пришла въ яростное отчаяніе.

— Чего смотришь! Ступай!—кричала она, толкая въ шею Соломона, который только что прилегъ у очага. Онъ набилъ старую трубку домодѣльнымъ табакомъ и собирался покурить въ ожиданіи ужина.—Ступай, ищи овцу, бездѣльникъ! Можетъ, пока ты тутъ валяешься, какъ князь, ее уже шакалка задрать успѣла! Ступай сейчасъ! Что намъ съ голоду сдыхать черезъ тебя, что ли!—вопила Кетевана, и снова принималась плакать, царапая себѣ лицо ногтями, чтобы выразить все свое горе и отчаяніе.

Бездѣльникъ почесалъ голову. Страхъ какъ ему не хотѣлось идти на ночь глядя искать овцу: усталъ онъ крѣпко, работалъ цѣлый день, да и ѣсть хотѣлось. Но вопли и ругательства Кетеваны хотъ кого бы подняли съ мѣста.

— Ну, хорошо, я пойду, пойду,—покорно сказалъ онъ и неохотно всталъ, потягиваясь,—только не кричи ты такъ, Кетевана.—Онъ придавилъ пальцемъ огонь въ трубкѣ, завязалъ потуже ремешки на своихъ „калабанахъ“²⁾ и вышелъ на дворъ.

Свѣтила луна. Соломонъ постоялъ немного въ раздумѣ, потомъ медленно направился въ поле, лежавшее сейчасъ же за

1) Мраваль-жаміерь—застольная пѣсня.

2) Калабаны—легкая обувь изъ сыромятної кожи, привязанная къ ногамъ товкими ремешками.

его дворомъ, пересѣкъ его наискось и сталь лѣниво подниматься на сосѣдную гору. Онъ зналъ, что тамъ растетъ самая лучшая трава, и что овцы любятъ тамъ пастись, а потому рассчитываль скорѣе всего найти свою овцу гдѣ-нибудь на этой горѣ.

Было свѣтло, какъ днемъ; трава серебрилась отъ росы, и на ней сверкали при лунномъ свѣтѣ крошечными огоньками бриллиантовыя капельки. Мѣста были знакомыя, и Соломонъ долго бродилъ по овечьимъ тропкамъ, заглядывая за каждый большой камень, подъ каждый таинственный и влажный кустъ и принимая всякую темную тѣнь за пропавшее животное. Онъ прислушивался къ малѣйшему шороху, жутко отзывавшемуся въ ночной тишинѣ и одиночествѣ въ его сердцѣ, и подзывалъ овцу извѣстнымъ ей гортаннымъ звукомъ, но ничего не находилъ.

Вдали послышался унылый вой шакала, и Соломонъ весь встрепенулся и задрожалъ.

„Можетъ, и вправду ее шакалка унесла...—подумалъ онъ, обливаясь холоднымъ потомъ при мысли, какъ онъ явится къ Кетеванѣ безъ овцы.—Но шакалка шкуры не ѣстъ... Я хоть шкуру найду всетаки...—размышлялъ онъ, идя впередъ.—А то еще, можетъ быть, она заблудилась и сидитъ себѣ гдѣ-нибудь подъ кустомъ,—утѣшалъ онъ самъ себя, хотя надежды его уменьшались съ каждымъ шагомъ.—Пойду дальше“.

И Соломонъ поднимался все выше и выше на гору, едва передвигая ноги отъ усталости.

Ночь проходила, но нигдѣ не было и признака пропавшей овцы.

Незамѣтно выйдя изъ полосы травъ и кустарниковъ, крестьянинъ скоро очутился въ совершенно незнакомомъ ему мѣстѣ, почти на самой вершинѣ большой горы. Со всѣхъ сторонъ угрюмо поднимались крутя, голыя скалы; глубокія черныя тѣни рѣзко пожились при яркомъ свѣтѣ мѣсяца на бѣловатую каменистую землю острыми зубцами. Сухія и сѣрыя горныя травы сильно благоухали, гдѣ-то слабо журчала невидимая струйка воды. Не видно было ни тропинки, ни слѣда человѣка или животнаго. Зрядъ ли стадо забиралось когда-нибудь такъ далеко и высоко, какъ забрался Соломонъ, гонимый нуждою и страхомъ передъ кенюю.

Задыхаясь отъ усталости, онъ остановился перевести духъ.

— Это Сакорнія!—воскликнулъ онъ въ изумленіи, осмотрѣвшись вокругъ.—Вотъ куда я залѣзъ! Никто изъ нашей деревни еще не ходилъ такъ высоко. О-о, это я ушелъ очень далеко отъ моего дома!...

И онъ въ смущеніи почесалъ за ухомъ, раздумывая, возвращаться ли домой, или опять искать овцу въ этихъ неизвѣданныхъ мѣстахъ.

Но силы почти оставили Соломона, и онъ уже едва держался на ногахъ. Онъ сѣлъ подъ одною изъ скалъ, прислонился къ ней спиною и почувствовалъ, что больше уже не въ состояніи двинуться. Отъ волненія и усталости онъ даже забылъ сѣсть тотъ кусокъ хлѣба, который лежалъ у него въ сумкѣ, висѣвшей на поясѣ, и который онъ захватилъ изъ дома потому, что не успѣлъ поужинать.

Скоро сонъ незамѣтно подкрался къ Соломону, ласково опустилъ вѣки на его глазахъ, расправилъ поудобнѣе его усталыя руки и ноги, и крестьянинъ сладко и крѣпко заснулъ, несмотря на ночной холодъ горной вершины и неудобное, жесткое каменное ложе.

Долго спалъ Соломонъ, такъ что тѣло его заоченѣло отъ холода и неподвижности; но вотъ лучъ восходящаго солнца ударилъ ему прямо въ лицо, и онъ услышалъ сквозь сонъ какой-то странный шумъ и грохотъ. Точно камни и скалы двинулись со своихъ мѣстъ.

Соломонъ испуганно открылъ глаза и вскочилъ на ноги. Со сна ему показалось, что это Кетевана по обыкновенію своему злобно швыряетъ горшками по саклѣ, собираясь варить обѣдъ. Онъ протиралъ глаза, но не могъ сразу вспомнить, какъ и почему очутился въ такой необычной обстановкѣ. Вдругъ странное явленіе приковало къ себѣ его вниманіе: прямо передъ нимъ, въ высокой, гладкой скалѣ, которая, вся розовая и золотая, стояла въ лучахъ утренней зари, появилась темная трещина. Посыпались камни и, прыгая, какъ мячики, стали катиться съ обрыва въ глубокую тѣнистую пропасть. Грохотъ усилился, и трещина стала медленно раздвигать шире и шире свои неровные края. Скоро она обратилась уже въ цѣлую пещеру, широко зияющую черною пастью передъ глазами Соломона. Крестьянинъ съ ужасомъ смотрѣлъ на все это, но не могъ пошевелиться отъ удивленія и страха.

Въ эту минуту все утихло, и изъ глубины пещеры, какъ вѣтеръ, донесся тяжкій вздохъ и за нимъ протяжный, мучительный стонъ. Раздался рѣзкій звонъ тяжелыхъ цѣпей и, наконецъ, громкій, но глухой голосъ:

— Кто тамъ? Не бойся, кацо ¹⁾, я ничего дурного тебѣ не сдѣлаю.

¹⁾ Кацо—человѣкъ.

Соломонъ дрожалъ отъ испуга и стоялъ, какъ вкопанный: ноги не несли его ни впередъ, ни назадъ.

— Подойди поближе, кацо! войди въ пещеру. Я долго ждалъ тебя,—продолжалъ голосъ.

— Кто ты?—замирая отъ ужаса, едва выговарилъ крестьянинъ трепещущими губами, не сводя глазъ съ пещеры.

— Я—Амиранъ, другъ бѣдныхъ и угнетенныхъ. Я хочу тебѣ добра, а не зла,—ласково отвѣчалъ изъ глубины глухой голосъ.

Бѣдный крестьянинъ, точно отъ сильнаго холода, затрясся еще больше, зубы его начали стучать. Вѣдь онъ слыхалъ про Амираана еще въ дѣтствѣ. Въ длинные зимніе вечера, когда грозно завывала въ горахъ снѣжная буря, когда жалкая сакля вся дрожала и скрипѣла отъ вѣтра, старики, грѣясь у очага, рассказывали, будто съ горы Сакорніа и приходятъ всѣ эти вьюги, снѣга и обвалы. И будто бы на вершинѣ этой горы есть пещера, а въ ней замурованъ и прикованъ крѣпкими цѣпами Амиранъ, большой и сильный человѣкъ. Прикованъ такъ, что не можетъ двинуться съ мѣста. Съ нимъ вмѣстѣ замурованъ воронъ, злая черная птица, которая день и ночь клюетъ его сердце.

Да, Соломонъ все это слышалъ, но развѣ онъ думалъ когда-нибудь, что можетъ увидѣть Амираана собственными глазами?

— Не бойся же, кацо, не бойся: вѣдь я прикованъ и тронуть тебя не могу,—говорилъ убѣдительно голосъ.—Если же ты рѣшишься войти сюда и поможешь мнѣ немножко, то я тебя и всѣхъ твоихъ, и всѣхъ добрыхъ гурійцевъ сдѣлаю счастливыми на всю жизнь.

Въ голосѣ Амираана слышалась такая искренность и доброта, что Соломонъ, наконецъ, ободрился немного и рѣшился приблизиться къ пещерѣ. Онъ перекрестился, шепча молитву, и робко заглянулъ внутрь горы. На каменной стѣнѣ глубокой трещины висѣлъ, прикованный толстыми цѣпами къ скалѣ, совершенно обнаженный большой и красивый человѣкъ. Цѣпи крѣпко вѣлись въ его огромное и сильное мускулистое тѣло, и на измученное лицо его падали длинные черные волосы, почти закрывая безпокойные и добрые глаза. Надъ головой его сидѣлъ воронъ, сверкая злыми круглыми зрачками, и держалъ въ хищномъ, остромъ клювѣ своемъ кусокъ окровавленнаго мяса. У Соломона даже сердце сжалось, когда онъ замѣтилъ, что на лѣвой сторонѣ груди великана краснѣетъ широкая растерзанная рана.

Весь скорчившись и изогнувшись, великанъ изо всѣхъ силъ старался ослабить свои цѣпи и дотянуться руками до земли, но это ему никакъ не удавалось. Цѣпи только все глубже врѣзыва-

лись въ напряженные мускулы, причиняя Амрану новыя страданія. Недалеко, на полу пещеры, лежалъ блестящій большой мечъ; къ нему-то и тянулся Амиранъ, но достать его не могъ.

— Ты пришелъ!—радно воскликнулъ великанъ, увидѣвъ крестьянина, и вытеръ ладонью потъ, градомъ катившійся со лба.—Если бы ты зналъ, какъ я ждалъ тебя! Вѣдь я томлюсь здѣсь несчетное число лѣтъ за то, что васъ же, людей, хотѣлъ сдѣлать счастливыми. Но вы забыли про меня, и никто, никто не приходитъ... Душа моя горитъ желаніемъ помочь вамъ, сердце мое истерзано, но тѣло мое сковано... Видишь, какъ я безсиленъ одинъ! Однажды въ годъ, съ первымъ лучомъ солнца, раскрывается моя темница, и я взываю къ вамъ и жду, жду... но все напрасно!—жалобно говорилъ Амиранъ, и слезы показались на его глазахъ, горящихъ любовью и печалью.

— Вотъ и ты... вѣдь ты забрелъ сюда случайно, вы не любите забираться такъ высоко... А тамъ, внизу, вы, смертные, вѣчно смотрите въ землю, которую копаете, и у васъ нѣтъ ни времени, ни силъ добиться вѣчнаго счастья. Меня же всѣ боятся, и никто не идетъ ко мнѣ на помощь.

— Я уже не боюсь тебя, Амиранъ, — храбро сказалъ Соломонъ, глядя на плачущаго великана, хотя голосъ его слегка дрожалъ отъ страха.

— Ну, такъ иди поближе, если не боишься. Подойди сюда.

Соломонъ все еще нерѣшительно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и приблизился къ Амрану.

Тогда тотъ протянулъ свою большую, сильную руку, вытащилъ изъ сумки крестьянина торчавшую оттуда краюху хлѣба и сталъ разсматривать ее. Онъ горько покачалъ головою и потомъ сильно сдвинулъ краюху могучими пальцами. Вдругъ изъ хлѣба потекли кровь и потъ. Крестьянинъ съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ, какъ изъ сухого, черстваго куска кукурузнаго чурека обильно падали на каменный полъ пещеры крупныя, прозрачныя капли, смѣшанныя съ ярко-алою дымящеюся струйкой.

— Вотъ какой хлѣбъ ѣдите вы, несчастные! — съ глубокой горестью воскликнулъ Амиранъ, глядя на Соломона.—Вѣдь онъ весь пропитанъ вашею кровью и потомъ...

Да, крестьянинъ видѣлъ теперь это собственными глазами. Теперь онъ понялъ, отчего его хлѣбъ такъ тяжелъ и невкусенъ.

— А какой же еще бываетъ хлѣбъ? Какой хлѣбъ ѣшь ты? — съ живостью спросилъ онъ, совсѣмъ уже позабывъ свой страхъ. Тутъ онъ внезапно увидѣлъ, что на выступѣ камня, подъ самую руку Амрана, лежитъ непочатый, большой и очень бѣлый пше-

ничный коровай. Огненный лучъ солнца ярко и соблазнительно золотилъ его румяную корку, но Соломонъ до сихъ поръ не замѣчалъ его, такъ какъ былъ сильно взволнованъ и, слушая Амيرانа, не сводилъ съ него глазъ. Теперь же онъ съ жадностью глядѣлъ на ковригу. Онъ былъ очень голоденъ, да и не видѣлъ никогда въ жизни своей такой прекрасной пищи.

Амиранъ, молча, далеко отшвырнулъ хлѣбъ Соломона и взялъ свой. Когда онъ придавилъ могучею рукою, изъ хлѣба потекли молоко и медъ. У бѣднаго крестьянина загорѣлись глаза при видѣ сладкой и чистой струи, щедро лившейся изъ мягкаго, вкуснаго куска. Онъ едва удерживался, чтобы не подставить подъ нее свой голодный раскрытый ротъ.

— Видишь, какой хлѣбъ ѣмъ я, — сказала Амиранъ. — И такой же будете ѣсть всѣ вы, если ты поможешь мнѣ освободиться. Я дамъ его вамъ, и никогда никто уже не будетъ ѣсть хлѣба съ потомъ и кровью, — торжественно продолжалъ онъ, кладя хлѣбъ свой на прежнее мѣсто.

Радость наполнила сердце Соломона, и онъ протянулъ руки къ великану.

— Амиранъ! О, Амиранъ! Что долженъ я сдѣлать, чтобы помочь тебѣ? Скажи скорѣе! — громко воскликнулъ онъ.

— Ты только помоги мнѣ достать тотъ мечъ, чтобы я могъ разрубить имъ свои цѣпи, — отвѣтилъ Амиранъ, указывая на мечъ, сверкавшій на полу.

— Сейчасъ, о, Амиранъ! я подамъ тебѣ твой мечъ! — восторженно вскричалъ Соломонъ и бросился къ блестящему оружію. Онъ схватилъ, было, его обѣими руками и хотѣлъ поднять съ земли, но мечъ былъ такой большой и тяжелый, рукоятка его такъ скользила въ заскорузлыхъ рукахъ крестьянина, что онъ не могъ даже сдвинуть его съ мѣста. Онъ подходилъ къ нему со всѣхъ сторонъ, брался съ обоихъ концовъ, но мечъ точно приросъ къ полу. Амиранъ нетерпѣливо смотрѣлъ на него.

— Постой, — сказала, наконецъ, великанъ, видя эти безплодные старанія. — Мечъ тяжелъ; тебѣ, я вижу, его не поднять. Слабъ ты для этого: слишкомъ долго питался ты хлѣбомъ съ потомъ и кровью. Сдѣлаемъ иначе: ты ложись на полъ и ухватись покрѣпче за рукоятку, а ноги протяни ко мнѣ. Я стану тянуть тебя за ноги и притяну такимъ образомъ мечъ къ себѣ“.

Соломонъ сейчасъ же легъ, старательно вытянулся во всю свою длину и взялся за рукоятку меча, а Амиранъ, взявъ его за послушно поднятыя кверху ноги, сталъ тащить къ себѣ. Но какъ только израненныя, плохо обутыя ноги крестьянина

очутились въ сильныхъ, точно желѣзныхъ рукахъ великана, онъ почувствовалъ такую страшную боль, что громко закричалъ, и Амиранъ выпустилъ его.

— О, слабая тварь!—воскликнулъ великанъ съ отчаяніемъ.— Чего ты кричишь такъ громко? Нѣтъ, видно мнѣ неоткуда ждать помощи, и я вѣчно и напрасно буду страдать одинъ за всѣхъ душою и тѣломъ. Знаешь вѣдь, какое счастье ждетъ тебя, а такого пустяка, ничтожнаго страданія вынести не можешь!

Соломонъ въ смущеніи молчалъ. Ему самому было стыдно, что онъ не вытерпѣлъ и кричалъ, какъ быкъ, котораго рѣжутъ, но ужъ очень сильна была боль.

Вдругъ чело Амирана просвѣтлѣло, и онъ быстро спросилъ:

— Слушай, кацо! есть ли у тебя дома крѣпкіе ремни, какими запрягаютъ скотину?

— Есть, — отвѣчалъ Соломонъ, поднимаясь съ земли и потирая ноги,—и даже очень крѣпкіе.

— Ну, бѣги скорѣе!... Я придумалъ... Бѣги и принеси ихъ сюда. И, знай, ты долженъ быть опять здѣсь, пока свѣтитъ въ мою пещеру этотъ солнечный лучъ. Скорѣе, скорѣе! Только помни: ни по дорогѣ, ни дома ты не долженъ ни съ кѣмъ разговаривать. Если ты произнесешь хоть одно слово, — все пропало. Бѣги! Не обмани меня! Можетъ быть, воловья упряжь намъ поможетъ... О, родъ людской, который за ремень, насильно, какъ лѣниваго вола, надобно тащить къ его собственному благу!...

Но Соломонъ не слышалъ послѣднихъ словъ Амирана. Онъ уже выскочилъ изъ пещеры и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ, прыгая съ камня на камень, сползая напрямикъ со скользкихъ, крутыхъ спусковъ, забывъ и про овцу, и про Кетевану и помня только обѣщаніе Амирана. Земля и камни сыпались у него изъ-подъ ногъ, увлекаая и его за собою, башлыкъ давно скатился съ головы, платье было изорвано въ клочки, но радость и надежда окрыляли его, и онъ ничего не замѣчалъ и не видѣлъ, кромѣ своей сакли, которая уже виднѣлась подъ горою. Никого не встрѣтивъ на пустынной горѣ, быстро очутился онъ у своего дома и влетѣлъ въ него, какъ буря.

III.

Кетевала сидѣла на земляномъ полу у очага, кормила грудью ребенка и мѣшала палочкою варившееся въ горшкѣ гоми. Куча оборванныхъ черныхъ ребятишекъ вертѣлась вокругъ, жадно заглядывая въ закипавшую кашу.

На стѣнѣ противъ двери, надъ голою деревянною тахтою, вѣсѣла на большомъ гвоздѣ крѣпкая, почти новая упряжь изъ толстой сыромятной кожи. Не говоря ни слова, Соломонъ однимъ прыжкомъ очутился на тахтѣ, схватилъ ремни, закинулъ ихъ себѣ на плечи, спрыгнулъ обратно и хотѣлъ бѣжать назадъ тѣмъ же порядкомъ.

Кетевана привстала и съ удивленіемъ смотрѣла на мужа.

— Нашелъ овцу? — сердито спросила она. Вѣроятно, когда онъ схватилъ ремни, ей пришло въ голову, что овца ея упала въ пропасть; и Соломонъ хочетъ вытащить ее оттуда, привязавъ ремнемъ.

Соломонъ, помня приказаніе Амираана, ничего не отвѣтилъ, а только, сжавъ губы, отрицательно помоталъ головою.

— Такъ гдѣ же она?

Соломонъ выразительно пожалъ плечами и, порываясь бѣжать, опять замоталъ головою. Понятно, что Кетевана должна была выйти изъ себя отъ такого нелѣпаго его поведенія.

— Чего ты, какъ дуракъ, трясешь головой? Или у тебя черти языкъ отняли? — закричала она, дѣлая шагъ къ нему. — И зачѣмъ ты упряжь берешь? На что она тебѣ?

Соломонъ уже былъ у двери и твердо хранилъ молчаніе. Но тутъ Кетевана, несомнѣнно, замѣтила безпорядокъ его одежды и восторженное выраженіе лица. Она бросила на полъ ребенка, перевернувъ нечаянно горшокъ съ гоми въ огонь, подскочила къ мужу и ухватила за ремни, висѣвшіе у него на плечахъ.

— А-а, пьяница! — закричала она, дергая обѣими руками ремни и стараясь ихъ отнять. — Ты не овцу искалъ, ты въ духанѣ былъ. Гдѣ твой башлыкъ? Пропилъ, негодяй ты безсовѣстный! Пьянствовалъ всю ночь, а теперь и послѣднее изъ дома унести хочешь, чтобы пропить! Не пущу... Отдай сейчасъ ремни, проклятый!

Она кричала громко и трясла во всѣ стороны бѣднаго Соломона, который тоже крѣпко держался за упряжь, вырываясь отъ нея, и съ трудомъ хранилъ молчаніе. Знаками онъ показывалъ, что не можетъ говорить, поднимая глаза къ небу, призывая Бога въ свидѣтели, крестился, моталъ головой, дышалъ Кетеванѣ въ лицо, доказывая, что отъ него не пахнетъ виномъ. Все было напрасно. Она продолжала вопить и зубами готова была вырвать у него изъ рукъ свое добро.

Эхъ, какъ тутъ захотѣлось Соломону въ первый разъ въ жизни ударить хорошенько злую бабу. И обругаться хотѣлось, да говорить онъ не смѣлъ. Но онъ понималъ отлично, что его странные жесты, его торопливость и непонятное, упорное молчаніе

должны были возбуждать и гнѣвъ, и любопытство Кетеваны. Глаза ея горѣли, какъ угли. Видя, что силой тутъ не возьмешь, она принялась за другое. Переставъ теревить мужа, она стала на самомъ порогѣ и, заслонивъ собою дверь, протянула руки и вдругъ повисла на шеѣ у Соломона.

— Ахъ, Соло джанъ! ¹⁾ Да что же съ тобою случилось? Ну, скажи, скажи, и я тебя сейчасъ же отпущу!—просила она самымъ ласковымъ голосомъ, вѣѣвившись въ него обѣими руками.—Только скажи, куда идешь и зачѣмъ ремни несешь, и я не буду сердиться, и ты пойдешь, куда хочешь. Скажи мнѣ, шени-чириме! ²⁾

Кетевана была женщина сильная, ярость же и любопытство придавали ей силы вдвое, но Соломонъ былъ все же сильнѣе ея. Наконецъ, ему удалось вырваться, и онъ сильно оттолкнулъ жену, такъ что она, завизжавъ, упала на полъ. Въ своемъ возбужденіи, нетерпѣннн и гнѣвъ онъ самъ не замѣтилъ, какъ, толкая Кетевану, нечаянно пробормоталъ сквозь зубы:

— Да отвязись ты, чертовка!

Освободившись, онъ выскочилъ въ дверь и помчался, какъ вихрь, черезъ дворъ и сосѣднее поле на гору, обмотавъ ремни вокругъ шеи, чтобы не потерять ихъ на бѣгу. На этотъ разъ путь показался ему длиннѣе и труднѣе: приходилось карабкаться въ гору по скользкимъ травамъ и острымъ камнямъ, чтобы не потерять ни минуты времени. Уже едва дыша, съ сильно бьющимся сердцемъ, съ вылѣзшими изъ орбитъ глазами и весь въ поту приближалъ онъ къ знакомому утесу.

Но что же это? Ни пещеры, ни даже трещины не осталось и слѣда. Передъ нимъ стояла гладкая, высокая, непоколебимая твердыня, увѣчанная неподвижною острою верхушкой.

У подножія каменной стѣны валялся его вчерашній кусокъ хлѣба, раздавленный могучею рукою Амрана, и только слѣды огромныхъ пальцевъ, отпечатлѣвшіеся на немъ, говорили Соломону, что все видѣнное имъ было не сонъ.

— О, Амранъ! Гдѣ же ты?—съ отчаяніемъ вскричалъ крестьянинъ, остановившись съ разбѣгу передъ стѣною.

Отвѣта не было. Онъ сталъ кидаться во всѣ стороны и руками ощупывалъ холодныя каменные глыбы, въ надеждѣ отыскать хоть слѣды трещины.

— Я же принесъ тебѣ свои ремни! Гдѣ ты, Амранъ? Добрый

¹⁾ Джанъ—ласкательное обращеніе, прибавляемое къ имени.

²⁾ Шени-чириме—въ буквальномъ переводѣ—„твоя болячка мнѣ“.

Амиранъ!—взываетъ онъ, протягивая принесенную упряжь къ безчувственному камню.

— Я здѣсь... въ скалѣ, — послышался, наконецъ, Соломону едва уловимый звукъ знакомаго голоса.

Не вѣтеръ ли гудитъ въ камняхъ? И Соломонъ сталъ прислушиваться, приложивъ ухо къ скалѣ.

— Я здѣсь... но ты уже не можешь ко мнѣ войти...—глухо стонали печальные звуки голоса Амирана.—Не могъ ты помолчать? Ты, я вижу, никакого испытанія вынести не можешь, о слабый, жалкій рабъ земли!

Тутъ Соломонъ вспомнилъ, что онъ не исполнилъ приказанія Амирана... что онъ дѣйствительно не вытерпѣлъ, и какое-то слово слетѣло съ его устъ въ пылу борьбы съ Кетеваной. Страшное горе и раскаяніе охватили его.

— О, Амиранъ, прости меня!—завопилъ онъ, простираясь на землѣ и колотясь лбомъ о каменную стѣну.—Это не я, это жена моя Кетевана виновата во всемъ. Она била меня... не пускала, спрашивала! Вѣдь она злая и любопытная, какъ бѣсъ! Вотъ я и не удержался и обругалъ-таки ее. Пусть это слово не считается! Пусть оно не считается, а? Амиранъ!

Отвѣта не было. Соломонъ началъ снова просить.

— Прости же меня, Амиранъ! Вѣдь она меня обняла и ласкала, чтобы я ей сказалъ, зачѣмъ ремни беру, и то я ничего не сказалъ... а она меня ужъ давно не ласкала... Я такъ спѣшилъ къ тебѣ! Отвори мнѣ, добрый Амиранъ!

И Соломонъ весь прильнулъ къ скалѣ.

— Нѣтъ, не могу...—послышался печальный голосъ, точно слабый подземный гулъ.—Теперь надолго закрылась моя темница, благодаря твоему малодушію, кацо. И опять я буду томиться здѣсь, если не забредетъ на эту гору случайно въ урочное время какой-нибудь смертный, съ душою болѣе твердою, чѣмъ твоя. А до тѣхъ поръ вы опять будете ѣсть свой хлѣбъ съ потомъ и кровью.

Горячія слезы хлынули изъ глазъ Соломона, и онъ рыдалъ, лежа на землѣ и прислонивъ голову къ подножію утеса.

— А женщины!... о-о-о! если я освобожусь когда-нибудь, я жестоко отомщу имъ всѣмъ!—съ угрозою зарокоталъ голосъ.

Соломонъ поднялъ голову и сталъ прислушиваться.

— Я отомщу имъ, этимъ низкимъ созданіямъ, за то, что онѣ всегда думаютъ только о себѣ...

Соломонъ сочувственно кивнулъ головою.

— Это онѣ мѣшаютъ счастью рода людскаго; онѣ виснутъ у

вась на шеѣ и тянуть вась, какъ запряженную въ ремни скотину, не туда, куда вы хотите ийти... Изъ-за нихъ вы дѣлаете то, чего не хотѣли бы вовсе дѣлать, и говорите то, чего не слѣдовало бы говорить!... Уходи, кацо! Больше ты ничего отъ меня не дождешься.

И голосъ смолкъ.

Долго ждалъ Соломонъ, не услышитъ ли онъ еще слова. Но тяжело проползъ надъ молчаливыми и гордыми вершинами сверкающей, палящей день; тихо спустился ласковый розовый вечеръ съ легкимъ и влажнымъ вѣтеркомъ, мгновенно уступивъ мѣсто ароматной голубоватой ночи съ ея глубокими и черными тѣнями... Больше не слышно было ни звука.

Раздавался ли еще когда-нибудь для слуха смертнаго волшебный голосъ—неизвѣстно, но только бѣдные гурийцы и до сихъ поръ ѣдятъ хлѣбъ, насквозь пропитанный потомъ и кровью.

А Сакорніа стоитъ попрежнему безмолвно и неподвижно на своемъ мѣстѣ.

В. А. М—ва.